

кимъ» онъ уже не будетъ представляться, напр., человѣку воспитавшему себя, кромѣ того, и нравственно. Не будучи невѣждою, не будетъ ли онъ также натураленъ, также простъ и естественъ, какъ и тотъ, который всѣмъ этимъ обладаетъ при своемъ полномъ невѣжествѣ? Паскаль говоритъ, что наука имѣетъ двѣ крайности: первая есть то чистое невѣдѣніе, въ которомъ находятся всѣ люди при рожденіи; въ другую крайность впадаютъ души великія, которыя, пройдя все, что могутъ познать люди, видятъ, что они ничего не знаютъ и находятся въ томъ же невѣдѣніи, съ котораго начали. Вышедшіе же изъ невѣдѣнія естественнаго и не достигшіе другого,—принимаютъ оттѣнокъ самодовольства и выказываютъ себя знатоками (*Pensées*). Односторонность, «разсудочность» (или «уродливость», какъ говоритъ гр. Толстой), обусловливаюція собою нарушеніе цѣльности человѣка, суть одинъ изъ неизбѣжныхъ моментовъ развитія его, но лишь моментъ, и притомъ моментъ *становленія*, на которомъ человѣкъ съ живою душою не долженъ, *motu proprio*, останавливаться, ибо односторонность эта для него лишь *ступень*, а не цѣль, каковою она дѣйствительно кажется въ большинствѣ случаевъ при современномъ, исключительно разсудочномъ, характерѣ нашего образованія. Можно сказать, что, напротивъ, процессъ развитія если и требуетъ въ началѣ пожертвовать одною стороною духовнаго человѣка, иначе —пожертвовать гармоніею и цѣльностью духовныхъ его отправленій, то лишь съ тою перспективою въ концѣ, чтобы изъ личности непосредственно-естественной сдѣлаться личностью сознательною и свободно-разумной, которой ничто человѣческое не будетъ чуждо, чтобы, умирая въ непосредственности безсознательно-естественной, воскреснуть въ непосредственность сознательно-духовную (человѣкъ, напр., дошедшій до полнаго сознанія своей личности и ея